

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ СВЯЩЕННИКА-МИССИОНЕРА АНДРЕЯ АРГЕНТОВА В ПРИПОЛЯРНОЙ МЕСТНОСТИ

I

*Нижнеколымск — Церковь Нижнеколымская и её парохия — Перво-
бытные обитатели страны — Появление здесь русских — Начало и рас-
пространение христианства на Колыме — Чукчи — Примечания*

Нижнеколымскъ, в старину слывший то острогом, то крепостью, находится в Колымском округе Якутской Области, на левом берегу¹ р. Колымы, под 69 градусом северной широты, следовательно он лежит в пределах полярного холода. До окружного города — Среднеколымска, отсюда полагают 500 вёрст, до Якутска считают 2600, до Ледовитого моря 120 вёрст.² В Нижнеколымске есть православная церковь, магазин запасного казённого хлеба³, магазин экономический с рыбою в обеспечение народного продовольствия, солёная стойка, пороховой подвал и 43 дома, устроенных для временного приюта⁴ своих владельцев. Гостиного двора и лавочек здесь нет. Купцы приезжают сюда по разу в год и торговлю производят каждый в своей квартире, что обыкновенно случается в марте и апреле: тогда жители, что можно, запасают впрок разные предметы, покупая всего на 12 месяцев. Земское управление, за отсутствием исправника, поручается лицу, которое избирается из казаков, утверждается высшим начальством Восточной Сибири и служит без особого жалованья. Почта приходит сюда три раза в год, да для отшельников, кажется, и этого много: обыватели стесняются провозом оной, потому что подводу под почту надобно выставлять на сотни вёрст без смены и без возмездия.

Не могу дать себе отчёта, почему именно понравился мне Нижнеколымск и из-за чего я предпочёл его другим местам, пожелав туда на службу. Между прочим, может быть меня заинтересовал: переезд к антиподам моей родины, солнце глубокого Севера то не заходимое, то не восходимое, величественное сияние арктических небес, чудные там пурги и мрак, дивные пирамиды нетающего льда, и снега, пролежавшие

целые века по захоlustьям тундры. Быть может меня завлекали и рассказы людей бывалых, говорунов от досуга, но передававших за верное, что там осистые бобры⁵ так и плавают в Колыме, а чёрных соболей коромыслом бьют малые дети. Такие слухи довольно заманчивы для молодого человека в бараньей шубе, при шапке с белковым околком. Быть может, меня подстрекало и самолюбие, неопытность с безрассудством. Последнее как будто ближе к делу; но известно, что не во всём легко сознаваться. Итак, оправдываясь сам перед собою, ещё скажу, что я тогда считал весь Божий мир себе сокровищем, я думал, на край-свете должно быть также хорошо для доброго человека как и везде, а между тем небо, следовательно и многое небесное, оттуда ближе. Но как бы то ни было, я избрал себе Нижнеколымск и поступил сюда по моему желанию и по моей просьбе. Каяться в том не намерен, да и нет причины.

Приняв напутственное благословение от Преосвященнейшего Нила и духовно укрепившись молебствием к содержащему вся в Своей власти Господу, 5 января 1843 года я выехал из Иркутска. После шестимесячного следования чрез Якутск, Верхоянск и Среднеколымск, 1-го Июля достиг Нижнеколымска. Здесь встретили меня туземные костюмы — ровдужные камлеи с кукулями и пыжичьи парки — наряд, с присовокуплением к нему расцвеченных калиплек пёстрых, довольно странный для глаза непривычного и с первого взгляда как будто некрасивый, впрочем самый необходимый для тамошних юкагиров. И помню, с каким наслаждением услышал я в Нижнеколымске столь близкие душе и сердцу родные звуки отечественного языка, который долго, долго потом оставался для меня как бы мёртвым. По тракту от Якутска до Колымы⁶ господствующее племя якуты, и русский говор не в ходу, но тем приятнее, что в Нижнеколымске уже и самые якуты, а с ними и юкагиры, позабывши собственный свой язык, изъясняются по-русски.

По прибытии к месту назначения, первые занятия мои состояли в обозрении церкви, и прихода, а также в собирании сведений по делам веропроедания.

Церковь в Нижнеколымске деревянная, без колокольни. Устроена в 1779 году, освящена в 1786-м. В ней три престола, главный во имя Всемилостивого Спасителя. Сумма на сооружение, равно и утварь, поступила от упразднённой перед тем церкви Анадырской и от Староострожной часовни Нижнеколымской. Несмотря на давность существования

своего, зданием ещё не очень ветхая, чему причиною, думать надо, не столько свойство материала, сколько влияние климата⁷ — долговременность зим. Церковь стоит, равно как и весь Нижнеколымск, на низменном, водопоемном месте. Утварью и благолепием храм Божий не беден, там есть три сосуда с принадлежностями (потир, дискос и проч.) из чистого серебра с густою позолотою и такое же полновесное кадило; две серебряные напрестольные дарохранительницы под золотом, из коих одна в 14 фунтов веса. Есть и другие хорошие вещи, иконы в Святительском приделе хорошей работы. Для Нижнеколымска этого очень довольно. Около церкви ограда перильчатая с решётчатыми створными воротами. Содержание обеспечивается а) жалованьем от казны, состоящим из 46 р. сер. в год; б) предоставленною на пользу церкви прибылью от продажи при церкви восковых свеч; в) кружечными и кошельковыми доходами. При церкви по штату назначен один священник с двумя причетниками, с жалованьем от казны 414 руб. 56 к. сер. ежегодно, сверх сего добровольных приношений рыбою и другими предметами от прихожан стекается причту в год рублей на 30 сер., что вместе с окладом составит до 444 р. 56 к. с., сумма, на которую в Нижнеколымске в дешёвую пору можно приобрести на пропитание до 75 пудов ржаных сухарей.

Приход Нижнеколымский граничить: к востоку Чаванским краем, к Югу верховьями рек Сухого Анюя, малого Анюя и Омолона и приходом Среднеколымским; к Западу приходами Среднеколымским и Ожогинским, к Северу Ледовитым морем. От северной границы до южной можно полагать 700 вёрст, от восточной до западной столько же. Общая покатость страны имеет направление к Северу; главные реки: Колыма, Большая Чукочьа, Конькова, и рукав (локотина) Алазеи, текут в Ледовитое море; Омолон и два Анюя впадают в Колыму. Озёр множество; воды, кроме моря, пресные и вообще изобилуют рыбою.

Число прихожан в 1843 году простиралось до 1860 душ обоего пола. В этом числе до 650 человек русских — казаков, мещан, крестьян, поселенцев и 1210 инородцев — юкагиров, тунгусов, чуванцев, якутов, коряков. Кроме сего здесь жительствоуют до 200 душ ламутов прихода Среднеколымского и Каменного рода юкагиров, прихода Ожогинского. Изредка попадаются даже ламуты Верхоянские и Охотские или Ламские. Жилища инородцев разбросаны по всему описываемому пространству.

Управление таким обширным по пространству приходом для священника, конечно, не совсем удобно, тем более, что здесь сообщение весьма затруднительно: дорог нет, лошадей весьма мало, оленей недостаточно, собаки не везде служат и езда на них имеет важную невыгоду в путевом прокорме их. Самый род кочевой жизни туземцев, хотя и согласный с условиями страны, но для сообщения невыгоден. Иногда суток двое, трое едешь на какое либо задуманное урочище и на условном пункте не находишь ни одной живой души; либо укочевали, либо ещё не прикочевали.

В 1843 году по приходу Нижнеколымскому мною совершено восемь поездок:

По Каменной Колыме

до р. Малой Чукочьей вперёд и обратно..... 250 вёрст.

По Сухарной Колыме до Маяка..... 240 — “ —

На Омолонь до Середкиной 360 — “ —

В Пантелеиху 100 — “ —

В Баскову 70 — “ —

Ко Кресту..... 60 — “ —

В Онболиху 60 — “ —

На Алазею к тунгусам 850 — “ —

Всего ж пути, водою в лодке, сухим путём на собаках и оленях, совершено 1990 вёрст. Кажется довольно бы, а между тем мне едва удалось обозреть и четвертую часть Нижнеколымской parroхии: не был ни в верховье по Омолону, ни в верховье по Анюям, ни в кочевьях Чуванских. Целью странствований моих было: доставить прихожанам возможность и случай к исполнению христианских надобностей. Я крестил, венчал, отпевал, и т.п. И как большая часть инородцев никогда не была у св. Причастия, то некоторых, согласно с их благочестивым желанием, приобщал запасными Св. Дарами Христовыми, с соблюдением установленного для готовящихся порядка.

Из походных случаев сего времени можно упомянуть о следующем.

При край-лесах, на Дулбе, от Нижнеколымска 220 вёрст, ко мне собралось до 85 бродячих инородцев. Мы помещались в нарочно устроенной к приезду моему в большой тунгуской кожаной юрте. Пол устлан был хвойными ветвями и оленьими шкурами, а на середине, по туземному обыкновению и ради нужды, горел пожар. Было около Филиппова

заговенья, в ноябре. Держа книгу в руке, я сделал знак к молчанию. Тунгусы и юкагиры, занимавшиеся до того взаимными приветствиями, целуя друг друга и потчuya обоудно ганзами, затихли, и я начал об обязанностях христианина, избирая некоторые места. Два толмача изъясняли слова мои на незнакомом мне наречии. Чтение и толкование длилось полтора часа: внимание слушателей не ослабевало и было напряжённое. Когда кончил, уважаемый своими тунгус Антон Курилов от имени всего собрания принёс мне искреннюю благодарность за проповедь слова Божьего, убедительно притом прося и на будущее время не оставлять людей сих душеспасительными беседами. Из этого я заключил, что обитатели тундр глубокого Севера, несмотря на мнимую суровость и грубость свою, одарены сердцами, наклонными к восприятию слова Божьего.

По делам веропроеповедания, возложенного на меня в добавок к приходским обязанностям моим, я, будучи на Колыме новый, а потому не зная с чего начать и как приняться за дело, ограничился на первый раз собранием различных местных сведений для моих соображений. Прежде всего обратился к предместнику моему иерею А. Трифонову, которого тридцатилетняя опытность могла быть в этом отношении для меня полезною. Затем я не обошёл и некоторых других колымских старожилов, знакомясь с ними, разговаривая и расспрашивая о чём было надо. Самым же положительным источником таких сведений служила мне официальная переписка по этим делам, сохранившаяся от предшественников моих и находившаяся у меня под руками.

Нишнеколымский край, до появления здесь русских, населяли омоки, ходынцы, чуванцы и им подобные племена. Будучи грубыми и невежественными, инородцы сии не имели между собою общественной связи, вели взаимные разбойничьи войны, грабили оплошных и убивали слабых соседей, забирая притом женщин и детей. Топоры у них были каменные. Пищу варили в деревянных корытах, с помощью раскалённых камней. Военное их оружие состояло из копья, лука и стрел с костяными остриями. Торговли не производили и сношений с европейцами ни каких не имели. Мирные занятия их состояли в уходе за домашними оленями и в звероловстве; они также любили упражняться в борьбе и стрельбнии из лука. Веру их составляло тёмное шаманство.

Русские появились здесь в первой половине XVII века. Они прикочевали сюда на судах с моря, чрез устье р. Колымы и, предание гласит, что они имели вид и странный и страшный: у них лица были косматые, а руки вооружённые громоносною молнией. Это была первая появившаяся здесь партия наших казаков, называвшихся охотниками. Пришельцы объявили себя мирными гостями. Ласковость, щедрость, умение держать себя вскоре сделали их предметами общего уважения и любви. Огнестрельного оружия не было надобности употреблять казакам для доказательства своего превосходительства; но и одно существование оно уже значило много, давая этим тон толкам и мнениям. Интересуя туземцев дорогими для них подарками, цветными лоскутками, стеклярусом и другими подобными вещицами, приходившимся по уму и вкусу дикарям, гости для приюта, между делами, обострожились и в 1644 году выстроили деревянную крепость с часовней⁸. Так основался Нижнеколымск. Взаимные ссоры окрестных жителей дали нашим благовидный случай вникнуть во внутренние дела страны. Казацкие предводители покровительствовали одним, обнадёживали других, обещались третьим, всем угождали и, надобно сказать, действительно всем угодили, не проливши капли крови, не употребя ни насилия, ни обмана; они водворили в стране мир, с тех пор ненарушимый. — Удачно и без шума упрочив себя, брадатые не удовольствовались первыми своими счастливыми начинаниями. Казаки обложили за тем местных обитателей ясаком для казны государевой и некоторых из них крестили. Показывая и даря омокам дотоле невиданные у них ножи и топоры, набожные казаки проповедовали так: «Велик Бог Русский! — Сравните ваши каменные оружия с железом и веруйте». И простодушные веровали и крестились, желая сердца свои соединить с сердцами русских и жить одною с ними духовною жизнью.

Таким образом видно, что преображение Воскресения — крест святой воздвигнут и христианство стало распространяться на Колыме вместе с появлением здесь русских. Но язычество после того ещё долго гнездилось в стране: русские не любят неволить чужой совести и не насилуют убеждений, рассудительно предоставляя могучему времени труд вразумления невежд. Между тем обычай крестить мирян мирянами так укоренился в народе, что и поныне существует. Преосвященный Нил, Архиепископ Иркутский, до сведения коего дошло об этом,

в 1846 году предписывал мне: обличать и искоренять зло; ибо иногда крестят люди, не знающие даже самой существенной формы сего Таинства, да и знающему, кто бы он ни был, крестить уже непорядок, когда сие может сделать священник.

Последующий ход распространения христианства на Колыме не во всех подробностях известен. Однако миряне продолжали понемногу крестить первобытных жителей и число христиан, с умножением в то же время русских, постепенно возрастало. В начале XVIII века, ещё до открытия Иркутской Епархии, на Колыме уже существовала Св. церковь и при ней находился приходский священник. Св. Антиминс прислан сюда из Тобольска, за подписанием Преосвященного Митрополита Фотия в 1704 году, с оригинальным назначением: «В собачий острог». Антиминс сей и поныне возлежит на Св. престоле в Среднеколымской Покровской церкви для обычного на нём священнодействия; в феврале 1856 года я развивал его для совершения Божественной литургии. А до 1704 года Колымский край состоял в приходе Зашиверском, откуда священники езжали на Колыму для христианских требоисправлений.

Со времени отчисления Колымской части от церкви Зашиверской, по 1786 год, когда открыт приход Нижнеколымский, весь нынешний Колымский округ состоял из одного прихода и находился в ведении одного священника, имевшего местопребывание то в Среднеколымске при церкви, то в Верхнеколымске при часовне, то в Нижнеколымске при часовне же.

Независимо от священников Колымских и Зашиверских, страну по временам навещали священники из Якутска, которых предание называет объездными, и которые тогда были почти то же, что в наше время Якутские священники походные⁹.

Рассказывают ещё, что в 1735-1736 годах в Нижнеколымске находился один иеромонах из экспедиции лейтенанта Лаптева. Его Преподобие тоже мог проповедовать Веру и исполнять требы.

Из всего же усматривается, что обитатели отдалённого Нижнеколымского края, со времени появления здесь русских, вообще не были оставлены без возможности слышать слово Божие, просвещаться и утверждаться во спасении душ. Но окончательное крещение туземцев последовало лишь между 1800 и 1810 годами. После сего стало некого

более обращать в христианство в Колымском округе, да и по всей Якутской Области к упоминаемому сроку, в следствие успешного старания существовавшей тогда Якутской Духовной миссии, язычники вывелись, выключая разве единиц, забытых случайно. Самая эта Миссия, как вполне достигшая цели своего существования, могла бы быть спокойно закрыта, но в то время при ней настоятельствовавал незабвенный и доблестный протоиерей Григорий Слепцов. Веропроповедник сей, несмотря ни на преклонность лет своих, ни на предстоявшие ему трудности и лишения, с словом благовестия зимою 1811-1812 года, отправился к чукчами, — народу и теперь ещё не очень людкому, а тогда варварскому и дикому. Слепцов от Нижнеколымска к востоку проникнул на 500 вёрст, достигал Чавана¹⁰, водрузил там крест и некоторых чукчей обратил в христианство: значит он имел успех и указал нам, что надо делать после. К сожалению, поход сей был последним подвигом сего заслуженного мужа на апостольском его поприще. По возвращении с Чавана, достойнейший отец протоиерей выехал в Якутск, где затем и остался навсегда¹¹.

На место протоиерея Слепцова, умершего Иеромонахом в СпасоЯкутском монастыре, в звании проповедника Якутской Духовной Миссии, в Чукотский край в 1816 году поступил А. Трифонов, священник Нижнеколымский. Отец Александр ежегодно видал чукчей в Анюйской крепостце, в 250 верстах от Нижнеколымока, во время выхода их сюда к нашим купцам для торговли. Здесь Трифонов благовествовал чукчам слово Божие, крестя некоторых, и таким образом подготавливая жителей берегов приполярного моря к дальнейшим действиям веропроповедническим. При сём священнике возник Епархиальным Начальством формально высказанный вопрос, об отыскании возможности проповедовать слово Божие чукчам в самых местах их жительства и об устройении там церкви. Но тогдашние обстоятельства для сего ещё не были зрелы. Чукчи вели себя уклончиво и пример Слепцова, казавшись исключительным, вынужденным особенною душевною волею старца, не был побудительным к подражанию. По крайней мере священник Трифонов, при всём своём желании (он живо чувствовал неудобство и недостаточность проповедования на кратковременной и суетливой ярмарке, сознавая потребность бывать и основаться в чукотских местожительствах) не имел случая посещать чукотской землицы. Предположение об

основании церкви оставалось почти в угасавшем состоянии, не переставая быть лишь в мысли миссионерской.

Вообще же Духовное Начальство при Трифонове не забывало чукчей, заботясь о сближении их с русскими по духу Православной Веры. Преосвященный Михаил Епископ Иркутский, в 1818 году почтил их непосредственным от своего имени посланием. Свидетельствуя о бессмертии души человеческой, о воскресении мёртвых, о суде общем, о жизни будущей, о неизречённом блаженстве для праведных, о вечном мучении для грешных, Архипастырь напоминает чукчам про испорченность и порочность натуры человеческой; склонной к деланию зла; убеждает обновиться верою во Иисуса Христа, единого посредника между людьми и Богом, приемлющим всех, чрез Пострадавшего за мирский живот и спасение обращающихся к Нему; желает им мирного общения со счастливыми россиянами и посылает им поклон, моля при том Спасителя Господа, да просветит Он ум и разумение народа сего к познанию Отца Небесного и к принятию Св. крещения.

В другом отношении чукчи знакомы нам уже более 200 лет. Их впервые увидели русские при устье р. Колымы. Кочевой отряд охотников¹², командированный для обозрения стран и народов Северо-Восточной Сибири, повстречался с людьми, привыкшими нападать. Но дерзость и мужество, косянки и ружья, не имели равенства. После первых же попыток, тайным ужасом объятые, дикари, пугая друг друга, пересказали о косматолицыных огневержцах¹³, и все предались бегству, спасая себя. Чукчи со своими стадами удалились в Чаванскую сторону, и оставили в покое омоков, дотолле утесняемых ими.

За беглецами на поиски отправился атаман Дежнёв. Командуя семью судами и имея при себе омоков, взятых толмачами и вожатыми, смелый казак этот выступил в море, через правое устье р. Колымы. К несчастью его, большая часть судов потерпела крушение от гибельных льдов и моряк наш лишь с двумя едва добрался до мыса Эррениа. Было не до «покорения чуди», тем более, что в земле чукчей не из чего, да и не для чего строиться. Безлесная, холодная, отдалённая, пустынная тундра непривлекательна и со своими обитателями, достойными её. Дежнёв с честью выпутался из самых затруднительных обстоятельств,

он назвался мирным гостем, дарил стеклярус и иголки и, вспомоществуемый самими добродушными туземцами, пробрался на реку Анадырь. Это относится к 1648 году.

После Дежнёва посещали чукчей: военная экспедиция майора Д. Павлуцкого — она побита наголову; купеческая экспедиция Шалаурова, состоявшая из 80 человек¹⁴, погибшая также совершенно; Беринг, Биллингс — в XVIII веке, протоиерей Слепцов и Барон Врангель — в первой четверти XIX века.

Независимо от сего, в 1775 году на Колыме с чукчами устоялось сношение более правильное и уже постоянное, и вот каким образом это совершилось:

Зашиверскому комиссару Баннеру¹⁵ пришла па сердце благая мысль иметь приятелей на Чаване. Действуя через преданных ему некоторых чуванцев и одного коряка, им облагодетельствованного, добрый Баннер, в виде хлебосольства, отослал почётнейшим чуванцам 10 папуш листового табаку, две горсти стекляруса, несколько игол и один железный котёл, с предложением: выйти им для мирного свидания с русскими в юкагирские стойбища, для получения новых, на долю их назначенных гостинцев, а вместе с тем для мены товаров и изделий на пушные продукты. — Обрадованные присылке и прельщаемые заманчивым посулом, чукчи переломили себя, послушались, вышли на р. Ангарки (по Большому Анюю, 400 вёрст от Нижнеколымска), остались отменно довольны ласковым, умным чиновником и с тех пор не перестают к нам выходить. Успех г-на Баннера был одобрен Высшим Начальством. Для поддержания чукчей в мирном направлении, до того опасных и вредных, даже ассигнована особая от казны сумма, собственно на подарки им, и Колымское Окружное Управление для сего ежегодно, в счёт казны, из Якутска выписывают на 500 руб. ассигн. табаку и других вещей на чукотскую руку. Говорят, тоже разрешено и Гижигинскому Окружному Управлению, так что казна ежегодно издерживает на Чукчей по 1000 руб. ассигн. Впрочем трата сия не много значить в сравнении с выгодами; она¹⁶ заменяет содержание военной команды и при том имеет высокое значение нравственное.

Все поименованные обстоятельства, взятые вместе, как то: экспедиция, торговля, духовная миссия и приласкание подарками, могли действительно послужить к смягчению суровых нравов чукотского племени и сближению оногo с русскими.

Но при всём том, несмотря даже на самую давность сношений, в год прибытия моего на Колыму я нашёл, что старожилы нижнеколымские питали общую, от предков наследованную, недоверчивость к чукчам и предубеждение, имевшее основанием, конечно, беспокойное поведение последних и убийственные набеги их на Колыму в прежние времена. Добрые люди, за исключением разве весьма немногих, имевших сношения с чукчами, как бы украдкой от своих, не пускались ездить в чукотские жилища, рассуждая: «благоразумное ли дело доверяться зверям!» И едким чувством сим так пропитан был народ в своё время, что даже к устью р. Колымы безбоязненно начали приближаться лишь с 1821-1822 г., когда экспедиция Врангеля прояснила, отуманенные печальною стариною, понятия колымчан. Опасаясь повторения бывалых бед, боялись указывать, ненадёжным тогда соседям своим, пути к себе. Что до чукчей — они вообще не смели приблизиться к Колыме за 250 вёрст и к Колымскому устью особенно; их страшила возможность заслуженного мщения за старые грехи. В русском миролюбии они, судя быть может по себе, подозревали коварство. И чаванские старики твердили новому поколению: «не ходить оленям с волками, кровь прольётся; не жить вам с русскими, беда стрясётся». Общение ограничивалось до 1812 года рекою Ангаркою, а с 1812-го Анюйскою крепостцою, при том так, что чукчи являлись сюда на свидание с отпущенными копьями и с полными тулами стрел. А русские обеспечивали себя казаками и, страшными за неверность и измену, горными ламутами.

Общее число чукчей полагали в 5-7 тысяч: но никто не считал их; нет никакого сомнения, что они гораздо численнее.

Народ сей не совершенно подданный России и составляет особый разряд в государстве. Законы наши у чукчей не имеют ни силы, ни значения, и русское начальство, чтобы ни произошло между ними в кочевьях их, в дела их не вмешивается.

Прошло много времени, как русские узнали чукчей, пройдут и ещё столетия и народ этот останется надолго неподвижным в своей нравственной и промышленной жизни. Шаманство, укоренившееся здесь с

первых дней жизни этого народа, является у них во всей своей грубости и диких образах крайнего невежества. Жизнь чукчей, как народа, поддерживается преимущественно бессознательным, слепым чувством независимости и дикой воли, пристрастием к своему и недоверчивостью ко всему чужому, без разбора. Отдалённость, труднодоступность, и жалкая в физическом и нравственном отношении бедность чукчей и чукотских местожительств делают их в течении веков независимыми, самостоятельными и, так сказать, самобытными. Ча́уча не мечтает о лучшем, потому что он его не знает и народ этот не может нахвалиться родною своею землёю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нижнеколымск первоначально основан был при протоке р. Колымы, верстах в 30-ти к северу от своего настоящего места, на которое он перенесён в половине семисотых годов. Селение это ныне находится собственно на острове, имеющем до 160 вёрст длины, а не на материке, который отделён от острова протоком, называемым Староострожным. Напротив Нижнеколымска, за рекою, видны устья двух Анюев. Колыма здесь до 3¼ вёрст ширины и до 9 аршин глубины (зимою). На востоке и юге, в отдалении, видны высокие каменные обнажённые горы, которые и летом редко бывают покрыты снегом.

² Близость моря весьма много способствует к умерению холода, это происходит, собственно, от неиссякаемой сырости, и для животной и растительной жизни выгоды от того не велики. Воздух в низменных долинах отзывается гнилостию, а в городах он пронизателен. — Горячки истребительные здесь не редкость, зато корь приходит годов через 50, оспа через 80, лихорадка вовсе неизвестна.

³ Мука в Нижнеколымск доставляется из Якутска на вьючных лошадях, в кожаных сумках, в каждую кладётся до 2 пудов 25 Фунтов веса; она продаётся из магазина по 4 руб. 43 коп. сер. за пуд. Прежде цены на муку были гораздо выше и доходили даже до 7 и 8 руб. сер. за пуд. При благополучной доставке, хлебный запас бывает довольно свеж и в пищу годен.

⁴ Дома в Нижнеколымске имеют своё собственно устройство. — Во-первых они без кровель, вместо печей деревянные камины, смазанные глиною, и с такими же трубами без боровов и с затычками из оленьей

шкуры вместо вьюшек. Зимой топят от 3 до 5 раз в сутки; от этого в домах тепло и воздух, часто освежаемый, здоров. От огня милует Бог. В несчастных случаях уже и то хорошо, что каждый дом стоит отдельно. Нижнеколымск обитаем более в феврале, марте и апреле месяцах во время приезда сюда купцов; в другие месяцы он почти пуст. Летом едва выходит 2-3 дыма, все жители расходятся по тоням и вискам. Вискою называется речка, вытекающая из озера или же образующаяся из озёрных источин. Висками же называются и самые селения, при тех речках находящиеся.

⁵ В Колыме соболи редки, а бобр вовсе нет, кроме привозных. Если чего много на Колыме, так это мышей и комаров. По недостатку ли в пище или другому инстинкту, здешние мыши большими массами часто делают переселения из одних мест в другие. Эти странствования их в бесчисленном количестве поистине изумительны. От комаров летом, какой бы ни был ясный день, нет нигде спасения, даже внутри дома сидишь с дымокурором. В Нижнеколымске также много собак и они составляют там существенную причину народных голодовок, столь обычных для бедной страны. Песцы, лисицы, горностаи водятся, конечно, но эти животные общи всему Сибирскому Северу. Если с Колымы купцы и вывозят пушнину, то это не мудрено: они десять месяцев в году кочуя на протяжении нескольких тысяч вёрст, собирают в свои руки пушных зверей не на одной Колыме. Пределы поездок колымских купцов граничат к Востоку Северною Америкою, откуда им привозят куниц, сиводушек и т.п., а к западу рекою Алданом.

⁶ Из Якутска на Колыму три тракта: а) через Омеконь на Верхне-Колымск, б) через Барунук (Верхоянск) и в) через Булун, Устьянск и Русское Устье.

А) Через Омеконь на Верхнеколымск путь самый неудобный, и мало кто проезжает здесь: снега страшные, отавы скудные, население малое, лошадей недостаточно, езда седловая, дороги нет. С половины августа до выпada снегов, впрочем, можно пробираться здесь с меньшими хлопотами. Сей тракт есть кратчайший.

Б) Через Барунук (Верхоянск) тоже неудобный. Езда на верховых лошадях. Этот тракт подразделяется на казённый и купеческий; один другого стоить. По казённому, впрочем, чищенная дорога, местами по главным рекам есть мосты и перевозы. Сверх того здесь станционные дома и гостиницы, не богатые, конечно, и самого простого устройства, но в

пустыне уже и это много, что они есть. Между Алданом и Колымою считается пять стационарных домов; это просто обыкновенные якутские юрты, их иначе называют там станками. За отсутствием почтсодержателя первое лицо на станке есть так называемый здесь есаул, человек вежливый и гостеприимный. От чрезвычайной дорожной усталости у него можно отдохнуть несколько суток, а он между тем поймает с поля лошадей и выездит их, буде они неезженные, или подержит их на сене, если они уже выезженные. Станок от станка от 100-120 вёрст. Езда на почтовых неторопливая, в сутки вёрст по 40 и по 50-ти. Здешние гостиницы также называют поварнями. Вход сюда без платы и открыт всякому. Тут путника ожидают: очаг, стол и кровать. Воды вволю — стоять лишь черпнуть летом или отдолбнуть льда зимою; дрова во сто шагах от дверей — целый лес, руби сколько хочешь. Лошадей отпускают на подножный корм. Добравшись до станции, вы во-первых, заботитесь разложить огонь и навесить чайники; между тем якуты вносят чемоданы, стелют для вас медвежину, готовят и подают сухую закуску, после которой следует чай с сухарями. Тепло и вы согреты, можно раздеться, по-домашнему; правда дымновато и холодно от стен, но что же делать, не в лес же уйти. Скука, если она иной раз и возьмёт, зависит не от стен и не от пустыни, а от обстоятельств, сокрывающихся в душе и сердце. — Если кто несвычен углубляться в самого себя, или от продолжительного одиночества опасается впасть в меланхолию, для развлечения можно заняться чтением надписей: к услугам целые стены и множество затёсов. Уголь, карандаш и резец трудились тут; вот образчики:

«Казак бесонов сказной. М. Б. Всем Господам проезжающим желает доброго здоровья.

Здесь на берегу Догдо пил чай из ледовой воды, в Ильин день 18... года N.N.» и т.п.

По купеческому тракту чаще встречаются жилые места, подножный корм здесь поизобильнее, притом избегаются, в южной стороне остающиеся, трудные переезды по безотавным и каменистым местам, Зашиверским. По этому чаще доводится ночевать на сендухе. — Найдут хорошее отавное местечко и сделают привал, приносивши к самосушному лесу. Разгребут снег, разложат пожог, поставят полог, настелют хвои, Оленин, медвежин, накладывают одеял с подушками и хорошо, будь тут хоть

45 градусов ниже нуля по Реомюру, ох не услышишь и холодно никто не скажет — разумеется, если нет очень малых детей и очень слабых женщин, таких, которым, пожалуй, и дома не тепло без фланели. С женою и с тремя малютками я ехал здесь в короткие дни, и ничего, по милости Божией всё было благополучно, и из Нижнеколымска до Якутска я с тем достиг в 1856 году. — Чем крепче холод, тем приятнее чай на сендухе и пьёшь его с великим удовольствием; согреешься и будешь весь тёплый. Паровая куклянка, меховое нижнее платье и добрые эгеды с каченьчами и чажами — тоже греют превосходно. Движение, хоть не большое, конечно, и при всём этом необходимо.

По тракту через Барунук есть две пустыни, их все путники боятся: это Тукулан и переезд от Верхоянских жителей на Индигирку — ста по четыре вёрст каждая. Места необитаемые и лишь изредка сюда заглянет иногда ламут, гоняясь за диким бараном. Подъёмы, спуски, бадараны, речки, камешник, медведи, комары, тарыны, броды, обходы — насилу пробираешься. Всего более пугает хребет Верхоянский, гребень его вечно в тумане и облака задевают его сопки. В седле не усидеть, перебираясь чрез него, очень круто и опасно, есть с версту места, где надобно идти пешком, подвигаясь вперёд с расстановками, и, для упору, должно иметь палку. Зимой особенно ощутительно следовать по этим пустыням. Находясь в пути, часто не видишь человека неделю, две, а в худой год и более. Тусклое небо, обнажённый лес, голые скалы — вот всё разнообразие. Снег хрустит под копытами коня и благо, если дремоте вашей помешает куропатка, вылетевшая из под ног лошади — это уже жизнь. Правда, по тракту местами водятся лоси, олени, лисицы, волки, белки, горностаи, росомахи, тарбаганы, еврашки, зайцы, аргали, кабарга, также рябчик, глухарь, тетерев — да где они? — Аргали в горах, тарбаганы в норах — не видишь никого и ничего. Ворон иногда прокричит, на кекуре сидя, обрадуешься ему очень и думаешь сам с собою: «не во все же здесь могильно». Ночи здесь такие длинные, тянутся часов по двадцати и больше. Но в мире нет худа без добра, и здесь отыщутся чудные картины полярной природы. Вкус человека разнообразен: порою, например, я находил прекрасным момент, когда, предупредивши утро, пускаешься в путь. Луна рисует волшебные тени по скалистым утёсам, звёзды мерцают, денница едва занимается, заря недалёко, мороз невыносимый; а тишина такая, будто самые тайны сердца заговорили вслух:

и этот внутренний голос, не голос ли незримого Ангела хранителя души! — И вот едешь-едешь, вдруг из за листвяка выходит дымок. — «Ыэл,» говорит вожак, оборотившись к вам, а вы не понимаете его; «Деэ, делях Тоён, «прибавляет он, но вы всё не разумеете его: вам охота пришпорить лошадку. Наконец послышалось тьяканье собаки, показался табун кобыл с жеребцом, завиделось стадо коров и сено в огороде; перед вами жилия юрта. Якуты и якутяты высыпали на передний двор, опрятный встретить гостя; кто держит лошадь, кто спускает с седла, кто дверь вам отворяет. Камин топится ярко; вы проходите прямо к божнице и креститесь перед иконами. У вас с собою тоже есть походный образок на груди, как и у всех, разумеется серебряный под чернью — здесь так водится у русаков проезжих; вы бережно снимаете его, целуете с должным чувством уважения знаменуемой святыне и помещаете в домашнем кивоте между образами хозяйскими. Между тем пол и нары устилают сеном.

Вы сегодня продержались в седле 10-12 часов, резун-ветер бил прямо в грудь и лицо, крутой холод нещадно морозил руки ваши и ноги, ледянистая куржавина росла на усах и ресницах, лошадка спотыкалась по заснеженным неровностям, досаждая вам; но вы всё это вынесли героически, отстаивая себя упорным терпением и ворчаньем на медленность невинного якута. Для утоления победных чувств, в успокоение раздражённых нерв, на освежение мыслей — не мешало бы спросить флягу со спиртом. Напомните только про флягу — и услужливый саха (якут) непременно достанет вам её, хотя бы она лежала далеко и в укупоренном наглухо ящике, лишь-бы было налить что в стакан, и благо замёрзшему путнику — караван уже полтора месяца странствует и не видал населённого оаза.

Всего удивительнее в дороге этой — якуты. Порядочному из них поручают до пятнадцати лошадей. Утром он разложит огонь, потухший ночью, навесит чайник и котёл для хозяина, съест сам кусок кобылятины, сходит на отаву, приведёт лошадей, обчистит, обдеревяжит их и обовьючит, подняв на каждую по два побочня трёхпудовых. Днём, несколько раз останавливаясь, осматривает и подчищает тех же 15 лошадей, подтягивает подпруги, поправляет потники и кладь, сбивает снег со вьюков, а лошади в то время, разбивая копытом снег, щиплют траву. Перед вечером сын дикого севера, самодовольный, непременно поёт,

курить табак и мечтает про жирный обед, которого давно не едал и долго не увидит. На каждой станции та же история; Якут развьючивает свои 15 лошадей, отменно им любимых, снимая с них 30 побочней, т.е. 90 пудов тяжести, даёт животным охладиться, отводит на отаву, треножит, отпускает на ночь. Сверх того — на ночлег разгребаёт снег, приготавливает лёд и дрова, разводит огонь, навешивает чайник и котлы, приносить и распаковывает некоторые сумы и наконец, съевши кусок конского мяса, ложится спать, подставив нагую спину к костру, а живот от трескучего мороза прикрыв санаяком. — Как он выносит! — Платы за путь от Алдана до Анюйской крепостцы и обратно якут получает 30 руб., а если он ест и пьёт своё, притом имеет собственную лошадь под себя, — получает 60 и редко 70 руб. сер. Обедают якуты, хоть пятеро, одною ложкою и она у них ходит круговую. Хлебнув дважды, якут передаёт ложку соседу, сидящему у него по левую руку и ждёт вновь своей очереди, когда все его товарищи хлебнут по дважды. Это способствует к уравниванию пиши для каждого и приятной беседе. Если якут не ест за обедом, то непременно рассказывает что-нибудь своим родичам.

Купеческие лошади по тракту идут: от Якутска до Алдана, потом с Алдана до Верхоянска; здесь они частью сменяются, частью поправляются на сене. Далее путь лежит из Верхоянска до Индигирки, и здесь лошади также сменяются, либо поправляются на чабаге и сене. С Индигирки следуют до Среднеколымска и отсюда идут в Нижнеколымск, а в иной год и до Анюйской крепостцы. Обратный путь менее сложен.

В) Третий тракт чрез Булун, Устьянск, Русское устье. Здесь обходятся без седла; надобно плыть водою по Лене, ехать в повозке на оленях и в нарте на собаках — по тундре, прихватывая море. Какая околица и страшная даль!

⁷ Маяк Лаптева при правом устье Колымы существует 120 лет, Зашиверская часовня — 160 и ещё долго простоят.

⁸ Часовня Нижнеколымская, просуществовав 175 лет, сгорела в 1818 году от палов. Ровесница её — часовня Верхнеколымская, построенная кочевыми Русаками из судового леса, тоже сгорела в конце семисотых годов. Она была выплавлена в Среднеколымск и из часовни обращена в церковь. В часовнях сих, когда не было священника, службу правили простолюдины.

⁹ Не все заказчики были походные. В 1743-1744 годах заказчиком был схимонах Епифаний; он, вероятно, вёл жизнь оседлую, найдясь в Спасо-Якутском монастыре.

¹⁰ По старинным картам — Чаун, по-колымски — Чаван, по-чукотски — Чáва, Чáуа, Чáуан, В старину здесь обитал какой-то народ, по-чукотски называемый Чáвачен. Наши чуванцы созвучны Чауану. У чукчей также есть слово Чáучу или Чáвчу — олений чукча.

¹¹ Любопытно было бы обстоятельнее узнать поучительную биографию сего примечательного мужа, почти современника нашего. — Отец протоиереи Григорий Слепцов подвизался преимущественно в пределах нынешней Якутской Области и учил не якоже книжицы, но яко имевши Помазание свыше. На глас маститого старца народ стекался значительными массами, внимал, убеждался, познавал Единого Истинного Бога и, каюсь в заблуждениях и неведении — требовал Св. крещения. — Если веропророк сей, кротким вещанием своим, от язычества в христианство обратил до семидесяти тысяч человек, с тех пор потомственно исповедующих Православие и ставших усердными сынами церкви Божией, то это такое благодатное явление, при внимательном рассуждении об котором, самая мысль моя меркнет, заменяясь безотчётным уважением к избраннику. За таких людей надобно молиться и благодарить Господа. — Вечная твоя память, достопамятно и приспособление Брате!

¹² Охотник и промышленник, — это не одно и то же. Упоминаемые здесь охотники были люди военного сословия, командированные по делам служебным и о действиях своих дававшие отчёт письменными донесениями по принадлежности. Например — рапорт Дежнёва известен всем. От звероловов этого не требуется.

¹³ Русский по-чукотски Мильгитанн, от слова мильгирь — огонь.

¹⁴ Из всей экспедиции Шалаурова остались только двое малюток, по фамилии Мурзины, взятые чукчами, будто бы сонные.

¹⁵ Комиссар тоже, что ныне исправник, а комиссарство — округ. Тогда Колымский край составлял часть Зашиверского Комиссарства, в последствии упразднённого. Баннер был природный русский, а пленный коряк — преступник, помилованный им и уволенный в своё кочевье, с поручением, выполненным им так счастливо.

¹⁶ По дороговизне содержания, на 1000 руб. ассигн. в Нижнеколымске можно иметь, в случае востребования, поболее как три казака; там, например, от 5 до 7 рублей серебром стоит пуд ржаных сухарей.

Поездка из Нижнеколымска на Чукотскую ярмарку — Анюйская крепостца — Меновая торговля русских с чукчами — Взнос чукчами в казну ясака — История часовни Анюйской крепостцы — Мои беседы с инородцами — Жилища чукчей — Остров Аё — Путевые подробности — Примечания.

Итак, веропроповедническая миссия моя ограничивается чукчами. Требуется отыскать возможность к возвещению слова Божьего людям сим, в самых местожительствах их и нельзя ли у них там устроить церкви. Мир и общение да обитает между народом этим и русскими, дружба и братство да водворяются. Вот данные, возникшие при предместниках моих и наследованные мною по преемничеству, вот тема служебным занятиям моим по званию.

Для осуществления и развития принятых мною начал, я довольно путешествовал. Опишу в настоящее время мою поездку в Анюйскую крепостцу и на остров Аё в 1844 году и упомяну о главных обстоятельствах этого следования.

7-го Марта, отслужив Господу Богу путешественный молебен с коленоприклонением, я отправился из Нижнеколымска в подлежащий путь. Нижнеколымск вдруг опустел и затих¹, не исключая даже самых женщин, кто только мог, все, а в том числе и я с моим дьячком, отправились на Чукотскую ярмарку, в Анюйскую крепостцу². Через четыре ночи я достиг предположенного места, провёл здесь десять суток и к 23 Марта опять благополучно возвратился к моему посту. В 17 дней отлучки совершено 500 вёрст пути на 20-ти собаках³. Плодом этой поездки было личное ознакомление с чукчами и условие о свидании с ними в Чаване.

Тракт от Нижнеколымска до крепостцы пролегает по р. Сухому Анюю. Едешь большею частью по самому руслу этой реки и лишь иногда перебираешься через волока, мысы и стрелки. Местами попадаются юкагирские балаганы с маленькими амбарами на полторасаженных лапах. Лес здесь не очень разнообразен. Более всего лиственница: она употребляется на постройку домов, разные домашние поделки и на отопление, а сера её идёт на обмазку лодок, частью на лекарство и на

жеваньё⁴. Ветла, которую анюйчики называют осиною, хотя осины по Анюю вовсе нет; из неё вырабатываются разводные лодочные днища и лыжи. Есть топольник и мелкий берёзник: последний почитается деревом благородным, употребляется на поделки, и преимущественно идёт на полозья, копылья, топорища и т.п. Из кустарников: тальник — употребляется на пестеры, рыболовные морды и т.п.; ольховник — им дубят и красят кожи; горный вересок⁵ — им для запаха курят в домах; таволожник, ёрник, багульник. Из плодоносных кустов: кедровник, смородина, кислица, якутская охта (вид смородины, называемой в Якутской Области дикушею — *Ribes dikouscha*. — Ред.), шипишник, голубель, малина.

На этом пространстве иногда встречаются незамерзающие источники, сочащиеся из-под булыжника, незамерзающие при больших морозах и во всю зиму остающиеся полыми. Около ключей лёд тонок и нередко обрушивается. Постоянных жителей по тракту вообще нет. На протяжении 250 вёрст едва найдутся 3 семейства промышленников, переходящих с одной ухожи на другую, смотря где надеются снискать пропитание⁶. Снега, уброды, забои и всегдашняя бездорожица составляют неудобство пустынного пути. Всего хуже наледи. Скаты с вадиги на вадигу⁷, шивера, от холода промерзают насквозь: тогда подлёдный путь реке пресекается. Между тем вода, течением со своих вершин, всё более и более напирает, делаются пропарины и щели. Наконец, Анюй покидает своё логовище, воды выступают, и заливают побережья на большое пространство. Обойти, объехать некуда — вокруг чаща, яры и горы. И маешься, и бродишь, и мокнешь на стуже, и от людских жилищ далёко. Обсушиться, обогреться негде. Много раз поневоле приходилось купаться. У меня было запасное платье. При купанье таком скорее стараться выскочить на сухой берег, накинешь на себя мохнатую куклянку вместо палатки, переобуешься, переоденешься, да как отмеряешь тысячи две шагов и всё благополучно! С приближением к крепостце ощущаешь, что воздух нагорья стаёт свежее и пронзительнее, чем в долине Колымы.

Анюйская крепостца, устроенная в 1808-1810 годах, исключительно назначена для свидания русских с чукчами, хотя сюда приходят также чуванцы, ламуты, юкагиры, якуты и прочие инородцы, каждый по своей надобности, для исполнения христианских обязанностей, уплаты ясака,

сбыта своих произведений, закупки товаров, извоза, или же по делам службы. Со всех сторон окружённая лесом и утёсами, крепостца находится в омокско-юкагирских кочевьях, при реке Сухом — иначе Малом — Анюе, за 250 вёрст от Нижнеколымска, к юго-востоку. Здесь есть часовня, казармы и несколько избышек, обитаемых во время ярмарки и пустых в другое время. Всё это обнесено деревянною оградой. Над главным входом в крепостцу возвышается деревянная башенка, и, для уряду, у ворот стоит с дубинкой часовой: ружьё и штык, пожалуй, навеют задумчивость на мнительных сынов пустыни.

Размен товаров производится собственно не в самой крепостце, а несколько поодаль, под открытым небом, на льду р. Анюя. Чукчи с своими санками выстраиваются в линию, образуя полукруг. Шагах в тридцати напротив них группируются русские купцы со своими приказчиками трёх классов. Товары русские лежат на нартах. Является исправник, старшины подают знак к мёне, и торговля начата; покатались по льду сумы с табаком. В белых эгедах с волчьими сутурами, в шапке чернубурой лисьей лапчатой, в зимних перчатках колымского изделия, расцвеченных шелками и с куньей опушкой, в тёплом меховом пальто, подбитом, как снег белыми лапами песца, с бобровым воротником, опоясанный шёлковым кушаком и с цветною шалью через плечо, — купец спешно подходит к саночной линии, торопливо приветствует чукчу — на этот раз имеющего вид небрежный и гордый, предлагает ему свой товар, сам отрывисто приговаривая. «Мей, ток!» т.е. Милостивый Государь, не угодно ли. — чукча со своей стороны не торопится, всматривается в русака и как будто вспоминает про что-то вчерашнее. Предлагаемое, например, табак, померяв глазами, помяв коленом, повесив на руке, обнюхав носом, покупатель иногда вынимает из сумы табачный лист, жмёт его в горсти и примечает: каково распускается, есть ли в зелье жизнь. Наконец, табак взят и передан чукчанке. Начинается расчёт. По акту, существующему у колымских русских купцов с чукчами, за пуд табаку, в сыром виде, полагается 20 куниц или же 10 лисиц, 2 лисицы равняются одному бобру или же одной выдре, бобр в одной цене с рысью, рысь уходит за 4 песца или за столько же клыков моржовых. Чёрнобуря лисица ходит по вольной цене, стоя от одного до четырёх пудов табаку. Но горе торговцу, если поторопясь, или позарясь на живот, в надежде на недосмотр старшин, или ошибкой — вместо 40 моржовых клыков, за

пуд табаку возьмёт лишь 39, или если из десяти лисиц хоть одна окажется бесхвостой: опрометчивого тут же с кону долой, под руки и прямо в пятистенную (крепостная гауптвахта). Потом начнут суд да дело и из-за какой-нибудь лисьей лапы хлопчут года два, поджидая манифеста, нарушен де акт. На этой ярмарке от чукчей получается: лисица разных цветов, куницы, выхухоли чёрные и изчерна-красные, рыси, речные бобры, выдры, песцы белые и голубые, оленьи и нерпичьи шкуры, лысовые и моржовые ремни, моржовые клыки, а также мамонтовая (исчезнувшей породы северного слона) кость и ус китовый. Продукты эти большею частью американского происхождения, переходящие к чукчам от экырнгаулей — вольного племени, обитающего на северо-западном берегу американского материка⁸. К чукчам на мену идёт: табак в папушах, котлы железные и медные, топоры, ножи, пешни, ножницы, иглы, напёрстки, подпилки, огнива, ганзы, колокольчики, винтовки, корольки, стеклярус, волчьи шкуры и драгоценные для чукчей белоспинные росوماхи; сверх сего юкагирские тюкавки, никчи, логмины, ауты, свёрла, нарукавники, луки, стрелы, лыжи. Количество табаку, ежегодно здесь промениваемого чукчам, доходит до 400 пудов, а железные и другие изделия особо: но, судя по отчётам, цифру эту надобно сократить, по крайней мере, в четверо. Народа на Апюйскую ярмарку стекается с рек и с гор от 300 до 900 душ, и собственно чукчей, владеющих луком, от 25 до 170 человек. Русские товары сюда доставляются из Якутска, через Верхоянск и Среднеколымск, на вьючных лошадях.

Кроме мены товаров, чукчи здесь вносят ясак в казну Государеву. Явившись к исправнику в первый день приезда его в крепостцу, на другие или третьи сутки, под предводительством своих старейшин, в числе коих первое место занимает непременно чаванский эрэм⁹, они потом посещают его несколько раз; их угощают чаем с леденцом и с пшеничными сухарями, Чукчи курят при этом табак, сосут лемешину, толкуют о том, о сём. У каждого чукчи сзади за ремённым поясом подоткнуто по красной лисице. Избирается минута; исправник принимает некоторый тон форменности: чукчи поочерёдно подходят к нему, низко кланяются и сами в тоже время вынимают принос из-за пояса, кладут вдоль своей спины и головку лисью налагают себе на темя. Исправник собственными руками снимает жертву сию с узорчатых черепов, казак прошну-

ряет, эрам печатает. Затем усердные плательщики награждаются табаком и железными изделиями и просят понудить купцов к неукоснительной расторжке, объясняя при этом, что позднее время, отдалённость, проедки, прожитки беспокоят их. Исправник даёт слово постараться. — Число ясачных чукчей не всегда одинаково: иногда явятся человек 10, а иногда и 40. К платежу ясака никто не принуждает их, чукчи вносят оный добровольно. Кроме обыкновенного ясака, они, в виде особого усердия, иногда приносят чёрных лисиц и просят исправника послать их на Высочайшее Имя и за сие иные из них награждены кафтанами, саблями, деньгами.

Юкагиры, ламуты и чуванцы на Анюйской ярмарке торгуют свободно, т.е. без акта, а ясак вносят так: одевшись в лучшее своё платье, с кортиками на нарядных поясах, чинно являются старосты к исправнику и с ними старшины. Объясняют, сами стоя на ногах, что: год был плохой, свинца у них не хватило, пороха не достало и они в неупромыслице. Тот и этот у них ушёл в Гижигинскую сторону и третий год не кажет глаз, не присылает государево: а сей и оный прохворали. Человеколюбивый исправник очень сожалеет об их неудачах, но требует, однакож, подушный оклад.

— Не можно ли принять деньгами, Ваше Благородие, зверя вовсе не могли найти.

Уважая представление горных дипломатов, исправник соглашается на просьбу, получает кредитами безнедоимочно и выдаёт квитанции. Отдарков этим людям за ясак не делается, но чаем угощают их и, кажется, со всеми к этому принадлежностями.

Как для священника, собственно для меня я нахожу интересного в крепостце: часовню и тех же чукчей с прочими инородцами, в отношении духовно-миссионерском.

Часовня в Анюйской крепостце деревянная, основана в 1811 году первым здесь по времени чукотским веропроповедником протоиереем Слепцовым, собственно для развития дел Веры и хранения походной церкви¹⁰, принадлежавшей к Якутской Духовной миссии, тогда удалившейся в Чукотский край. В сей часовне я совершал богослужение вечернее и утреннее, пел часы и молебны, а 19 марта — в Вербное Воскресенье, разлив походный св. Антиминс, совершал священную литургию.

При сём предстояло до 80-ти человек богомольцев и в числе том находилось 17 причастников Христовым Тайнам, из юкагиров, чуванцев и чукчей. Здесь же, в часовне молился, крестил, бракосочетал, исповедовал, отпевал, исполняя христианские требы у бродячих инородцев, а частью и у русских. — Ради подробности можно заметить, что младенцев для крещения здесь представляют большею частью полугодовых, годовых и старше; венчаться приходят, сперва поживши год-другой, а иногда и детей наживши; об отпетии просят, когда покойники давно уже покоятся — иногда года два и больше. Случались и такие примеры, особенно между ламутами, что иные для крещения приносят младенцев от разных матерей, называя всех младенцев и женщин своими. Всё это, конечно, не согласно с желаемым порядком и обличается; но условия, недавность у туземцев христианства, навык к старым обычаям, отдалённость от церквей и священников и образ жизни — берут верх над поучительными вразумлениями. Впрочем, у каждого из тамошних есть на груди наперстный крестик, а у достаточных непременно серебряный. В домах имеются иконы Спасителя, Богоматери и св. Угодников и иконы сии у оленных раскрываются по временам, хранясь в особых киотах, а у балаганщиков открыто стоят на полочке, в переднем месте, и свечки перед ними. Сверх сего, если не у всех, то у многих имеются маленькие походные образа, хранимые в могильках. Образок, вложив в могилёк, обыкновенно возлагают на себя при отправке в путь. От христианских св. таинств, обрядов и постановлений церковных, — не отклоняются, если к исполнению оных представляется им удобный случай. Буде кому доведётся прибегнуть к доброму человеку, пригласив его к себе, иконы, из набожности, занавешивают, либо прячут. А что это за добрый человек, от которого занавешиваются иконы, как от копоты, или прячутся, как от татя? Это шаман, тайком пробирающийся к людям суеверным и невежественным, заменяющий собою иногда священника и лекаря. Разумеется, это делается тихомолком, чтоб не придралась полиция, с которою добрый человек как-то не в ладах. Благотворительность туземцев обнаруживается особенно призрением бедных; совершенно неимущих безмездно пропитывают на общественный счёт. Прихожего человека рады принять и накормить.

В день прибытия моего в Анюйскую крепостцу, чукчи, дожидаясь исправника с купцами, были уже здесь и не замедлили тогда же навестить

меня. Сперва пришли одни мужчины, потом приходили мужчины и женщины, наконец, признак доверчивости, являлись и одни женщины с детьми обоюго пола, без мужчин. Я со своей стороны оплачивал тем же и у некоторых гостеприимных домохозяев даже ночевал. Я хотел открытого сближения с чукчами, не подражая правилам колымчан заглядывавших во время мены в чукотские юрты не иначе, как разве украдкою от своих¹¹. Для разумения чукчей и передачи им образа моих мыслей, при мне обыкновенно находился чуванец, переводчик. Надобно как-нибудь самому привыкать объясняться на коренном языке туземцев, ибо беседа с ними через посредника, невежду, крайне утомительна; тут нужно терпение истинно христианское¹².

На первых порах, по приезде моём в крепостцу, сидели у меня чаванские старики; я угощал их кирпичным чаем из деревянных красных чашек и они, попивая, глотали дым из крохотных медных трубок¹³. «Эпель»¹⁴, — сказал один из них, сидевший на скамье в полулежачем положении, с поднятыми на скамейку ногами, «ты из дальней стороны пришёл сюда. Видно у вас там худо людям?»

— Други мои, я слуга господа моего Иисуса Христа. Будьте благосклонны. Я посланный.

— Да зачем же послали тебя?

— Я послан проповедовать Православную Веру доброму чаванскому народу. Пусть ваши приходят ко мне и станем заниматься делом, станем рассуждать о Небесном Боге, о Его Божественных делах и о душах человеческих.

Гости обещали посоветываться со своими и ушли, извиняясь и объясняя, что у них теперь время суетливое и ускорное, что они имеют связи с купцами, умы и помышления их заняты торговлею, но что они не забудут обо мне.

В следующие дни, по распоряжению чаванских старейшин, ко мне приходили мужчины, женщины и дети, жаждавшие Богопознания и обращено в христианство 18 душ. Я благовествовал слушателям моим святую истину, не раздражая в них суетной пытливости, избегая умствований, держась простоты и имея основанием слову моему, слово Божие. В образец беседы моей привожу разговор мой с чаванским чукчею Ивунеем, в последствии Павлом. Заметивши в Ивунее склонность к слушанию, еже едино есть на потребу, я говорил: «когда умирает христианин,

Отец Небесный посылает к нему своих добрых слуг и Ангелы Его возносят блаженную душу в места горния, где светло, печали нет, а радость постоянная. Друг мой Ивуней, крестись — будет хорошо». Кажется не много было слов моих, а между тем они убедили и это, конечно, от того, что в правду, исповедуемую устами, веруется сердцем. В некоторых случаях, увидим после, проповедь моя была, впрочем, несколько пространнее

Первыми по времени, преданности и важности для моих миссионерских начинаний, приятелями моими были чукчи: добрый Николай Ятиргин Слепцов, чаванский эрэм и почтенный сын его Андрей Омраургин. Однажды вечером я зашёл к ним посидеть; хозяйка старушка Вантыольгин радушно угощала нас ужином, подавая кивлет, пререм и разную свою стряпню из мяса, мозга, жира, из некоторых трав и корнеплодных дикорастений¹⁵. Мне подали столовый прибор, тарелку, вилку, ложку серебряную и свежую юкагирскую салфетку, выделанную из тальника, белую как снег, мягкую как пух и с приятным запахом. Между тем Ятиргин, разговаривая со мною, высказался, что сердце его радеет о распространении между своими христианства и что он постоянно заботится об этом. Видя духовное направление собеседника, я начал представлять ему — как было бы полезно проповедовать Христа в самых чукотских местожительствах. Я склонял его принять священника на Чаване. Эрэм согласился. Мы условились, и я решился следовать к чукчам в их землю.

Когда от Ятиргина и сына его узнали чаванцы о моём намерении побывать у них, — между ними возник вопрос, выраженный ко мне в следующих словах: «никто не вечен на земле. Если ты умрёшь у нас, что делать нам, и что тогда подумают ваши? — Я отвечал: мать телу моему земля. Умру — отдайте ей его. Бумаги мои отвезите к русским, тогда все узнают, сколь вы добры. И хотя бы мне случилось умереть у вас, все скажут: «видно так угодно было Богу». По окончании наших совещаний, я собрал мои пожитки и походную библиотеку, в том числе Завет Господа моего Иисуса и отечественную историю Карамзина, и всё это, с некоторою церемониею, передал Эрэм-Ятиргину, при собрании его родовичей и при двух чуванцах-толмачах, прося доставить мои вещи по главным пунктам будущего нахождения моего в чукотской земле.

Пребывание моё в Анюйской крепостце окончено обедом, данным на прощанье чаванским чукчей по имени Галля.

Мы собрались в семейный полог, который, по понятиям и разумению чаванского чаучу¹⁶ был не простое жилище, а настоящие палаты. Полог этот имел 2½ аршина от пола до потолка, 2¾ аршина от порога до переда, 4½ аршина между боковыми стенами. Пол устлан был оленьими шкурами. По углам горели жирники, употребляемые для отопления и света, на середине стоял эйчувульгин под лахтаком¹⁷, с потолка тянулись рукавицы, плеки¹⁸, шарвы, развешанные для просушки. Полог стоял в подвижном шатре из оленьих же шкур, который, укрепляясь на треноге, был искусно развит и расправлен резвинами, как зонтик. Шатёр походил снаружи своею формою на стог сена несколько наклонённого в одну сторону, и имел 6½ аршин вышины от основания и в окружности 22 аршина. В пологу помещались: чаванский эрэм Ятиргин, один чуванец, коряк, я, омок, сам Галля со своей старухой и трое сыновей его женатых; и нам не было тесно, никто вон не вышел. От невыносимого жара в пологе все сидели без рубашек — мужчины, женщины и дети: у чукчей впрочем так уж водится всегда, у них нет ни рубах, ни нижнего платья, кроме разве двух или трёх лиц в целом народе. Одежда у чукчей, как верхняя так и исподняя, делается из оленьих шкур.

Галля зажиточный человек и хлебосол открытый, а по выражению юкагирскому: латрыжный. В сенях разложили огонь, навесили большой медный котёл и варили чуть не целого оленя. Между тем в ожидании обеда нам предложили закуску: для каждого гостя принесли по оленьей ноге, на мозготанье. Доколе мы трудились с сырыми мосолюдами, обглаживая их, обрезывая жилки, разбивая кость и вынимая мозг, хозяин занимал нас рассказами. Вот содержание одного:

Движимые чувством мщенья за какие-то старые обиды, и имея в виду корысть, чукчи задумали сделать набег. Это было в 1840 году. В числе 70-ти человек пристали они к какому-то острову в туманную ночь; первым делом их было продырявить у туземцев байдары, затем они врасплох напали на сонных обитателей и многих перекололи. Испуганные гамом нападающих и отчаянными воплями своих, оставшиеся в живых кинулись было спасаться в своих байдарках: оттолкнулись на море и перетонули. Все годные женщины и дети взяты в плен, а хилые, хворые, увечные и престарелые убиты без остатка. «Для чего их жалких

оставлять на мученье!» прибавил рассказчик, желая в бесчеловечном поступке своих собратьев видеть добрую сторону.

За сим подали деревянную посудину, похожую на плоское корыто, употребляемую у чукчей вместо стола и блюда, называемую словом «кэмена», полную жирного мяса. Каждому из бывших тут, хозяйка отделила свою часть и все домашние вместе с гостями принялись усердно есть, доставши свои поясные ножи. У меня не случилось с собою ножа. Утнеут (имя хозяйки) сама потрудилась нарезать причитавшееся на мой пай, подбавляя и рукою подвигая кусочки к моему краю кэмены, по мере того как я съедал оленину. Со стороны хозяйки это означало высокую вежливость и уважение к гостю. После обеда внесли в полог и поставили на сковороде железный котёл с мясною щербюю, разведённою снегом и мы пили из него костяною дудочкою, выделанной из кости лебязьего крыла и называемую — камчучен. Вместо салфетки мне подали штэв (кочок травы), которым я обтёр себе рот и руки. Хозяин обтёрся шаткарами своего соседа и тем же услужил ему (шаткары — обувь с мохнатыми подошвами из оленьих подкопытных щёток). Наконец, я перекрестился и сказал — спасибо. Юкагир, чуванец и эрэм, глядя на меня, тоже перекрестились. Прочие не крестились и спасибо не говорили, просто перестали есть, выкурили по трубке табаку и вышли на двор прохолодиться¹⁹.

За обедом сим достопочтенный Ятиргин говорил мне: «Вот смотри — какими видишь нас здесь, точно такие мы и дома у себя в нашем краю. Езди к нам, узнавай людей, крести, делай тоже и так же, как у юкагиров и у чуванцев. Мы такие же люди, как и все другие и рады учиться русской Вере и добрым обычаям, хотя и не умеем — что и как делать». Я отвечал: сперва надобно побывать на Чаване, а потом подумаем и посоветуемся — что и как делать.

Остров Аё^a

Аё или Аё-Нутэнут, а по-юкагирски Аёка, находится в Чукотском лимане Ледовитого моря, при устье Чаванской губы, от Нижнеколымска к северо-востоку в 400 верстах, а от скалы Пеек составляющей отрог Эр-

^a Современное название: Айон. — прим. OCR.

рени, в 25 верстах к западу. Остров этот отделён от материка небольшим, мелким иловатым проливом, составляющим ширины до 2 вёрст в малую воду и до 5-ти в большую. Длина острова будет до 80, а в окружности до 250 вёрст. Грунт глинистый, болотный и местами песчаный. Древесной растительности здесь нет никакой, а также и приносного леса с моря водою очень мало. Из кустарников изредка виднеется — ёрник и тальник, не растущие вверх, а расстилающиеся по земле. Из трав более всего мелкой осоки. Из корнеплодных диких растений: макарша и ещё какие-то по-чукотски называемые: попохальнгин, миймий и кымыче, употребляемые туземцами в пищу²⁰; по морскому припайку растёт морская капуста. Из ягод есть морошка и брусника. Птицы, постоянно пребывающие на острове: куропатка, лунь, ворон. Из млекопитающих: мыши, еврашки, песцы, лисицы, волки, медведи чёрные, зайцы-беляки и частью росوماхи. Около острова в изобилии водятся белые медведи, обитающие в торосах и мелкой породы нерпа в море. На острове есть озёра, частью рыбные: в них водятся отлично вкусные гольцы, весом доходящие до 20-ти фунтов, и пемлядка 5-ти вершковой длины, считая с хвостом. Есть также мелкие речушки и много ручьёв. Вообще остров Аё, имея низменное положение, совершенно открыт для стужи, сырости и ветров. Хотя он и неудобен для заселения, но чукчи держатся острова, привлекаемые сюда обилием и доброкачеством оленьих моховищ, а также удобностью оберегать стада от кровожадных комаров и от солнечного зноя, вредного оленям. Само название свидетельствует, что он для чаучу угоден: «аё» значит мозг в голове.

Миссионерская надобность веропрповеднику посещать чукчей в их местожительствах видна уже из самого хода дел моих предместников, как это значится в записках, представленных мною в Сибирский Отдел за предыдущий год.

Сблизившись с чаванскими представителями в Анюйской крепостце, я ещё более убедился в надобности сей. В пользу моих посещений не было сомнения. Возможность побывать у чукчей представлялась: чаванский эрэм не только не препятствовал этому, но даже приглашал меня к себе на Чаван. Однако я долго медлил оставить Нижнеколымск, ожидая здесь распоряжений Епархиального начальства, которому заблаговременно доносил о моих намерениях. Наконец всё было готово, и

распоряжение получено, стало незачем останавливаться. 20 июля я отправился в путь, в котором и провёл 58 дней, по 15 сентября. В этот промежуток времени моими убеждениями, при помощи Божией, я успел обратить из язычества в христианство 140 человек, и этот успех был мне лучшею наградою за понесённые мною труды. Сверх сего и то утешало меня, что я мог на самом деле, практически увериться в возможности проповеди слова Божьего в чукотских местожительствах. К дальнейшим действиям моим важных со стороны чукчей препятствий не открыто, и начали проясняться миссионерские надежды на лучшую будущность.

Путевые подробности

Особенным долгом поставляю для себя свидетельствовать здесь, что колымский старожил купец Л. Ив. Бережнов в этом на остров Аё путешествии был истинным благодетелем моим. Духом моим и сознанием долга влекомый в чукотскую землю, я чувствовал всю тяжесть неопытности своей и к тому, не имел под руками вещественных способов. Можно бы на том и остановиться, считая себя правым по совести; но я никак не мог принудить самого себя быть покойным, я страдал внутренне, не имея средств осуществить мои благие помыслы. Тогда Л. Ив. как с неба упал передо мною, и вот слова его: «Не горюй много; Бог поможет.» И в самом деле Бог помог. Не было ничего и вдруг явилось всё, и лошади, и люди, и путевое содержание. Это была жертва высокого усердия частного человека, и я никогда не могу забыть её.

20 июля. При отправке в дальние пути, на Колыме соблюдаются некоторые особенности, которые исполнены и мною. Сряжаясь надолго отлучиться от своих, я отслужил панихиду о прежде отшедших отцах и братьях, а затем пел путешественный молебен св. Апостолу Андрею Первозванному. Когда сряды окончились и всё было готово к отправлению, я омыл руки и взявшись за шапку, присел на минуту. Все прочие тоже сели. И воцарилась тишина. Чувства улеглись, душа успокоилась. Тогда, среди общего безмолвия, я первый встал с места, взывая к Отцу Всевышнему, да была бы благая воля Его и на земле долу такую же, как есть всегда она на небеси горе. Присутствовавшие помолились вместе со мною. У св. образов теплились восковые свечи. Наконец я поклонился

Благословенной Родительской Иконе, приложился к ней и вышел вон, быв провождён своими до берега Колымы.

Оттолкнувшись на реку, гребцы на время покинули вёсла и мы перекрестились, снявши шапки. Верхи церковные ещё виднелись. Но скоро прибрежный говор смолк, люди и дома скрылись за леском. Лодка качалась на зыбких волнах, склоняя путника ко сну. Ночь наступала.

21 июля. С 9 мая по 8 июля в Нижнеколымске нет ночей. Другими словами говоря: там с Николина дня до Прокопьева красное солнышко и по ночам светит, не закатываясь. С Ильина дня начинают появляться первые звёзды, одна по одной; но ночи тогда ещё короткие и белые, заря с зарёю сходится. 21 июля я проснулся часу во 2-м утра, на какой-то тоне, при гармоническом побрякивании корневых поплавок невода, рыболовами развешенного для просушки. Солнышко меня уже предупредило и ранние лучи его радугой переливались по белоснежным вершинам высоких гор, громадами рисовавшихся на безоблачном небе. Густой туман поднимался с заиндевелых берегов реки.

2-го августа. И комаров, и зной, и дождь, туманы мокрые, изморозь липучую, слячу под ногами, снег, холод — всё испытали мы, две недели странствуя по местам каменистым и тундре. Топучия грязи, кочковатые калтуны, обрывистые ручьи, быстрые речки, рытвины, неловкие подъёмы, неровные спуски, обходы, броды и лесную чащу и совершенное безлесие, и скудость кормовиц для лошадей и разные другие надоедливые мелочи, — всё видели мы, всё испытали; но не было бы хуже, думали, и шли вперёд, разумеется, без дороги — дорог здесь нет.

3-го августа. Недостаток в свежей пище, происшедший от долговременного странствования нашего, тяготил нас более всего, расстраивая совершенно здоровье путников: и мы готовы были слечь — это ужасно на безлюдье в неприютной пустыне. Мы думали что погибнем с голодовки. Но Бог есть Бог везде! — Расскажу про случай, как мы спаслись и возобновили съестные наши припасы.

Взбираясь на угор, из-за которого виднелось небольшое озеро, вожак наш вдруг остановился, спустился с лошади и пятился назад, сам знаками давая нам знать о чём-то. Заметив это, мы задержали наших лошадей; не медведь ли там, подумали. Но медведя там не было. Гуси, их десятков несколько, покоясь, сидели на песчаной косе, а караульный у них, с вытянутой шеей, стоял на стороже, поджавши ногу. Тотчас мы с сёдел

долой, вьюки на землю, собак на волю и началась азартная охота. Куда девались и хворь и усталость. Иной с трудом сидел на лошади, морщась и поджимая пустой живот, теперь суетился в довольственном самозабвении, как век не хворал. Страсть к истреблению овладела людьми. Били, хватали, травили, кололи, гонялись, топтали. Это называется гусеваньем. 27 гуме́нников были трофеями этого побоища. Лапчатых склали в кучки, достали из побочня запасных дров, разложили огонь и принялись готовить обед. Вышло отменное холодное на жестяных тарелочках, прекрасное горячее в медных котелках, ещё лучше того жаркое на деревянных вертелах и, цвет юкагирской гастрономии, мозготанье (гусиные крылышки с мозгом). А пух и перья бросили.

4-го августа. В сумерки 4-го Августа маленький караван наш выбрался на дикие прибрежья Ледовитого моря.

Что море в отношении к Вселенной и её красотам? — Капля в океане; но как прекрасна и она — эта капля! Когда ступили мы на морской припаяк, казалось, я подошёл к самому небу, которое как будто сливалось предо мной с необъятными водами. Зияя из-под ног, обхватывая весь горизонт, разливаясь над головой, безбрежная синева, подёрнутая сумраком тихого вечера, обворожила зрение. Вековые горы плавучих торосов со своими фантастическими узорами, как бы вися на воздухе, стояли грозными грядами, а за ними полошились цветные огни величественного северного сияния. Грохот, производимый падением льдов и глухой гул вдали, предвестник арктического урагана, дополняли картину, ещё более оживляя грозно-величественный вид. Тогда, впервые созерцая всё это, я усладился благоговением к Премудрому и во всех творениях Своих чудному Создателю Богу.

8-10 августа. Отдалённость, трудность переходов и неблагоприятная погода делали странствование наше медленным. Только в двадцатый день, по выезде из Нижнеколымска, отыскали мы чукчей, наехавши на табор их при р. Орракооль-взем, от скалы Ра-лява (Большой Баранов) к востоку в 120 верстах. Нас приняли, после небольших предварительных переговоров пред их становищем.

И вот они — переговоры:

— Торóма (здорово).

— Торóма.

— А, вы русские, с Колымы.

- С Колымы.
- А что там нет поветрия?
- Нет, и всё хорошо.
- Люка приедет сюда?
- Э, вот он (Лука Бережнов).
- Ааа, Люка, торóма. А это кто?
- Священник.
- Эээ, эпепель

Домохозяин, у которого остановился я по имени назывался Аканькев, Майникляволь (двуимённый), т.е. страшный силач, исполин. Он имел необыкновенной величины голову и соответственные ей чрезвычайного объёма жилистые кулаки, что придавало ему большую важность в кругу своих. Это был в полном смысле слова исполин, его считали за существо особенное и Аканькев, пользуясь этим преимуществом, частенько прогуливался верхом на спинах (сугошером) своих приятелей²¹, и хотя за такой деспотизм бранили его в глаза и по заочью, но никто не смел ослушиваться, когда он приказывал нести себя иногда вёрст 20 и более. А впрочем Аканькев добрый человек. Мы с ним скоро познакомились. Он между прочим рассказал мне историю своего рода.

Отец его — Мирго был богатый, милостивый, набожный, знатный чаучу. У него было множество оленей, разделённых на четыре стада. Численность голов в каждом стаде измерялась довольно оригинально, следующим образом. Тонкие древесные прутки перерезывали на мелкие части, и этими резочками наполняли рукавицы с малахаями. У Мирго в каждом стаде оленей считалось столько, сколько вмещали в себе две рукавицы, наполненные прутиками. Мирго постоянно призывал бедняков, давая неимущим кров, одежду, пищу. Сорок положов служили у него надёжным приютом равно для богатых и бедных. Набожность его обнаруживалась тем, что он иногда по целым долгим дням простаивал на коленях, обратясь лицом к солнцу. Мирго, конечно молился, и это делать он любил наедине, отдаваясь от людей. Мирго был уважаем от своих и всеми чтим. Он благоденственно дожил до седого возраста, называемого старостью; но, к сердечному прискорбию Майникляволя, скончался без обычной и священной у чукчей церемонии, соблюдаемой ими при смертных случаях²². Умирая, Мирго так увещевал своих: «смертельно мучусь я, сжальтесь, отпустите меня к рóдникам».

Но у предстоявших не поднимались руки исполнить отпускального обряда, т.е. убить его. Вы мучите меня, за слабодушие ваше я тоже стану мучить вас, сказал наконец Мирго, — это были последние его слова. Он умер. И многие плакали об нём, сожалея наипаче о том, что он был лишён последнего долга. И вот, выполняя заветное своё, покойный вошёл в своего сына, чтобы исполнить правду, мучить родных и потомство. Рассказ сей Майникляволь заключил нравоучением: пусть люди видят и научатся. Выслушав всё это, я подивился странным религиозным чукотским обрядам и верованиям и прочитал скорбевшему собеседнику моему V и VI заповеди закона.

Когда собрались ко мне здешние созванные мною через Майникляволь, я благоветствовал им мир и спасение в Боге. Я говорил им: «соединимся духом и сердцами. Единство Веры сделает нас одним счастливым народом, истинными друзьям и братьями, это порадует и Великого Государя нашего. И все просвещённые люди, когда услышат, что чукчи познали Отца Небесного, возблагодарят Бога. Вот я пришёл к вам из дальней страны, совершив путь не малотрудный. Что нужно мне от вас, или чего ищете вы? Я желаю только вам добра, тружусь для вашего спасения. Креститесь во Имя Троицы, которого проповедую и которому поклоняются народы». Выслушав меня, чукчи молчали, как-бы размышляя, что делать; они как-бы выжидали, что бы из среды их кто-нибудь один за всех отвечал. Некто шаман, по имени Тнепо, восстал против меня, делая возражение и вот между нами завязалось прение, которого я не мог избежать, несмотря на принятое мною правило уклонения от споров. Тнепо возражал следующее:

«Вы люди русские, Бог дал вам и Веру русскую и лошадей; потому у вас и Вера русская и ездите вы на лошадях, а сам Бог на небе. Мы люди чукчи, Бог дал нам и Веру чукотскую и оленей; потому у нас и Вера чукотская, и ездим мы на оленях, а сам Бог на небе. Итак вы русские веруйте по-русски и оставайтесь с вашими лошадьми; а мы чукчи будем верить по-чукотски и останемся с нашими оленями. Бог же, присматривающий за всеми народами и за всеми верами, будет глядеть с неба и видеть: по-русски ли живут русские, по-чукотски ли чукчи, и каково каждый исполняет свою веру на земле». К этому возражению противник мой ещё присовокупил одно обстоятельство, что при самом подъ-

езде моём к табору, он, Тнепо, скоропостижно занемог жестокою головою болью. Тнепо видел в этом неблаговоление ко мне духов Чукотской земли.

Отдавая честь смыслённости моего соперника, я благодарил его за внимание к духовной беседе, причём внушал бывшему тут народу иметь к шаману Тнепо уважение. Не знаю почему, но я думал тогда, что успех проповеди моей будет зависеть на этот раз от Тнепо.

И я снова обратился к нему с моим словом: «Тнепо! сам ты свидетельствуешь о своей жестокой головной боли, которою ты страдал при появлении моём пред вашими домами; но вот, Господь, которому я служу, даровал тебе облегчение и ты пришёл ко мне здоров. Выслушай меня. Слова твои убеждают меня, что ты размышлял о предметах духовных. Спасительная истина близка к тебе.

«Всё доброе у вас, будучи приятно Богу, радует и меня, и изменений в том не нужно, пусть оно остаётся по-прежнему, как было и есть. Но подумай: когда умрём, что с нами будет тогда? На том свете допросят нас, скажут: люди вы были не худые и умные. Зачем же вы рассуждали и сердцем вашим пеклись только от оленях одних, да об лошадях, а о душах своих позабыли и Бога, создавшего всё; зачем не познавали вы и не воздавали Ему подобающей чести? Зачем не слушались тех, кого по временам посылал к вам Сам Он? — Проповедую тебе, Тнепо, и всем вам, слушатели, что души человеческие бессмертны, они не умирают. Самые тела человеческие, сгоревшие ли в огне, потонувшие ли в воде, пожранные ли животными, истлевшие ли в земле, — со временем воскреснут для иной, лучшей жизни. Проповедую вам, что кроме жизни настоящей есть ещё жизнь будущая, бесконечная, злая для злых, благая для благих; что кроме видимого мира и света, есть ещё мир и свет невидимый, духовный, несравненно лучший того, в котором обитаем ныне и нет там недостатка, а Солнце — Сам Бог. Проповедую вам, что Един Бог. Он всемогущим Словом Своим из ничего создал вселенную и всем управляет. Времена с составами своими и пределы всему устроены Им. Он всесвятый во славе Своей на небесах, превыше солнца и звёзд, во свете неприступном даже для самой мысли, но доступной для св. Веры и любви. Далёкий от грешников, Он — источник всякого блага. Слушатели, позна-

вайте Бога, чтите Его и призывайте с благоговением. Познавайте и самих себя; не делайте зла и удаляйтесь от всего худого и будьте благодущны.

«Возвещаю вам, что с небес на землю пришёл Единородный Сын Божий, Предвечное Слово Божие, Самим Отцом Богом посланное для спасения нашего и воплотившееся во Христе Иисусе. Слово Божие, будучи полное благодати и истины, духовно и телесно обитает в обществе верных Ему. Призываю вас, друзей моих, иметь общение с Сыном Божьим, проповедуемым мною. Верьте словам моим, веруйте в Сына Божьего и креститесь во Имя Его. Здесь на земле найдёте мир и благоденствие, на небесах уготованы вам неизречённые милости Его и жизнь нестареющая; там светло и радость постоянная».

Во время сей проповеди, у моих ног сидел Майникляволь. Когда я кончил, он, поднявши руки, громко произнёс: тыльмалявак, т.е. верую, надобно креститься. Несколько голосов поддержали его сторону. Шаман Тнепо, а во св. крещении Андрей, присоединился к оглашённым. И приобретено тогда 18 душ.

11-13 августа. Ульвекь, когда прибывши к нему, я проповедовал чукчам Слово Божие и говорил о Тайне воплощения Сына Божьего и о крещении во Имя Его, отвечал мне размышлением огорчительным, такими словами: «я молод был, русские предлагали мне своё знакомство, лаская дружбой; сопротивляться было нельзя, и я крестился. Теперь гляжу на бывшее иными глазами, стариковскими. Что принесло нам крещение? Испытал на себе, видел и над другими, что, крестившись, люди беднеют; стада у них умяляются, олени пропадают, переводятся. Да и самые люди переводятся и пропадают иногда неладно, с тех пор, как начали креститься. Стариков почти вовсе не стало. Многие умерли не по-людски, а так себе, как какие нибудь брошенные олени, негодные. В старину не водилось этого с нашим народом. Бывало все наши умирали по-нашему. Нет, я не позволяю никому креститься, и сам хочу умереть по-человечески. Чем жизнь свою начал человек, т.е. кровью, болями и воплем бессознательным, тем должен и оканчивать её».

Молодой человек, с косою, с чёрными кудрями по плечам, с правильными чертами лица и с чёрными, как смоль глазами, задумчиво стоял,

опершись о треног шатра. Это шаман. После старика Ульвека, он, оборотясь к своим, выразительно произнёс: не надобно, а ко мне: не хотим! И вышел вон.

Заговорил Таннитан, любимый сын Ульвека; вот слова его: «Мы живы оленями и без них нельзя нам быть живыми, в здешнем крае. Уменьшения в стадах не желаем, к нищете не расположены и не хотим креститься».

Тогда чукчи разошлись и я был оставлен всеми. Самые юкагиры и чуванцы, до того сопутствовавшие мне и постоянно находившиеся со мною, приметив, видно, неудачу мою, до единого куда-то разбрелись.

Опечаленный дух мой возжаждал уединения и молитвы и я, не сказавши о себе, никем незамеченный, удалился к одному озеру. На дворе было утро. Голубое небо отразилось в спокойных водах, тишина была беспробудная; но жизнь природы проявлялась во всём. Красногрудые лебеди, любуясь собою, гордо плавали по воде и далеко оставляли струистый след свой. Видимая природа была прекрасна, освежающий воздух и тишина облегчали мою скорбь и имели благотворное влияние на сердце и мысль.

Около полудня ко мне подошёл чуванец.

— Мы ищем тебя. Что ты здесь делаешь?

— Я пошёл сюда, чтобы удить рыбу.

— Старик тревожится из за тебя.

— Нужен стал я?

— Не знаю. Да ведь весною эрэм заказывал с Чавана принять тебя. Ульвек знает о заказе, и каково же ему, когда ты уходишь от него!..

После сего Ульвек сделался уступчивее, он извинялся так: «Мы любим независимость и волю и просторный свой край. Холод, снега и льды наша стихия и всё наше нам хорошо. Но как обойтись без табаку и железа, мы не умеем, а то и другое к нам идёт от русских. От русских же иногда пользуемся и водочкой Да зачем это камичар (т.е. комиссар, исправник) не велит привозить к нам водки! Ведь тут ничего дурного нет. По чарочке, по другой выпьешь её — веселящей и сердце отмякнет, забудешь про всякое горе, душа отдохнёт от житейских забот. И только. Я часто твержу моим детям: держитесь русских поближе, без них нам не прожить».

И всё, благодарение Богу, кончилось крещением 34-х человек. Сам Ульвек потрудился пригласить новопризванных ко мне для слушания огласительной проповеди, помогал мне всё приводить в порядок и устраивать крещальную купель, а при совершении Таинства, показывал собою для новопросвещаемых пример, как должно молиться, и сам стоял с зажжённой свечою в руке.

Об обычае чукчей умирать с кровавым напутствием, я говорил крещённым из них: не делайте так, а умирайте по-русски.

16-17 августа. Кончив со здешними чукчами мои дела, я от мыса Большого Баранова отправился на остров Аё-Нутэнут. Чтобы достигнуть его надо было перебираться через пролив; версты три шли бродом по морской, едкой, холодной воде, перемешанной со льдом. В здешнем море незаметно суточных приливов; но в самое время переброта, от действия северо-западного ветра с моря, случился прилив и вода поднялась. Лошади пустились вплавь и вьюки сбило. Было страшно. Добравшись до берега, с версту места маялись по топучему илу-сосуну, и едва-едва не утонули в нём. В малую воду здесь можно переходить с меньшими хлопотами и безопасно. На острове Аё-Нутэнуте я остановился у Рыкео-Йонля²³. Меня приняли хорошо и отвели удобное помещение, в просторном, сухом и тёплом пологу. Но рядом со мною, в соседстве ночевала шаманка, от которой помещение моё отделялось лишь одною кожаную стеною и мне было очень беспокойно. Коверканье, завыванье, погром в бубен длились без конца и я не мог спать, как ни желал для подкрепления сил, изнурённых усталостью от трудного пути и в особенности от трудного переброта на остров по воде, чрез морской пролив. Когда же стало рассветать, шаманка предстала предо мной с распущенными волосами, бледная и вся в синевицах. Мужественная физиономия её, широкий, выпуклый лоб, поднятая грудь, могучие плечи, увесистые кисти рук, высокий рост — всё в ней было необыкновенно и невольно рождали вопрос: не маскируются ли чукотские шаманы?²⁴ — «Эпепель, — сказала она кротким голосом, показывая на свои ушибы, — что сделали со мною духи непокорные. Крести меня».

Случилось, что родной дядя Йонли, старичок Антре, представил ко мне трудно-больную малютку дочь свою, которую я тот час же и крестил, кратким последованием, страха ради смертного. Это происходило

вечером. На утро Антре (т.е. Андрей) и жена его пришли ко мне со слезами умиления на глазах и показали мне своё дитя здоровым. Благословив младенца ограждением крестным, я вспомнил, что хвала Господу угодна, из уст сущих совершаемая. И сказал бывшим тут: Благодарите Отца Бога, который там на небесах, но близок к нам своею милостью благодатною.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Летом в Нижнеколымске едва насчитаешь дыма 2-4. Во время ярмарки здесь собирается до 500 душ разного люда и в домах становится тесно. Духовные, военные, чиновники, купцы, мещане, крестьяне, якуты, тунгусы, юкагиры, ламуты, чуванцы, а иногда и чукчи: словом, тут на лице все местные сословия и племена, какие только обретаются в Якутской области. Сверх сего, в апреле, марте, здесь скопляется множество собак с Анюев, с Омолона, с низу, с верху и со всей пространной Колымы, а также с Индигирки и с р. Анадыря, а иногда и с мыса Шалагского. Эти животные по временам завывают целым хором дикого, отчаянного лаянья. Сначала затявкает заунывно одна какая-нибудь из собак, ей подхватят и вдруг грянет поразительное tutti в полторы тысячи голосов. Завоет эхо, откликнется в лесу и долах и застонет вся окрестность. Этот гам тянется однако ж не долго, мало-помалу он стихает и оканчивается также одиночным лаяньем. Такой приём повторяется в сутки раза по четыре.

² Анюйская крепостца первоначально была устроена на острове р. Анюя, и её прежде называли Островною крепостцею, или просто словом: Островное.

³ В нарту на Колыме запрягается от 10-12-ти собак. Относительно платы за подводу, нарта в Колыме считается за полторы лошади. Собачий кучер, по-колымски — каюрщик; собачья шлея — алык. Собак кормят вытями, в сутки раз. На выть десяти рабочим собакам потребно в сутки 100 сельдей или другой какой рыбы, а в год, на 365 вытей, 36500 сельдей. Тысяча сельдей в Нижне-Колымске ценится от 7 р. 50 к. до 5 р. серебром. Обыкновенная пряговая собака ценится 2-4 р., лучшая 7-10 р. серебром, промышленная, охотничья 10 и до 50 р. серебром. Собаками управляют, крича так:

Пооц-пооц, — сзывают собак.

Тта! и Паццá, пачáа! — понукают собак.

Тооо, тааа, — стой!

Мах, на́ах, — налево поворачивают.

Сюда! — направо поворачивают.

Нартяные полозья бывают: осенью — корневые, весной — подбитые костями, зимой — берёзовые мочёные и с войдою. Войдою называется слой льда на полозьях, наведённый кипятком. Мочёные полозья с войдою катятся гораздо легче, чем сухие и без войды.

⁴ Затверделая листовая сера называется жевальной или кусальной. До неё в Нижнеколымске много охотников. Она употребляется как лакомство и служит для очищения зубов и уничтожения запаха во рту.

⁵ Вересок — можжевельник мелкий.

⁶ Юкагиры, да и вообще все обитатели Нижнеколымского края, кроме разве двух или трёх домов, ведут жизнь кочевую: в одном месте весную с сетями или с мережею, в другом летуют с неводом, в третьем ловят подлёдную рыбу, в четвёртом зимуют. Юкагиры кроме сего кочуют с места на место, карауля прохожего оленя или гонясь за куропатками и зайцами. Иногда также ходят за леною птицею — утковать, гусевать, лебедовать; иногда следят лося, или же прикармливают лисицу. Других способов к пропитанию в Нижнеколымске и нет почти. Скотоводство ничтожное, хлеба зернового там не сеют, это дело невозможное. С 1842 г. начали похаживать на море, за нерпою; но этот промысел ещё только начинается. Женщины и дети ежегодно, осенью, отправляются в поход на мышей, разоряют сих предусмотрительных животных, обирая у них съестные их припасы: макаршу, пельхи и т.п. и мышьим добром после лакомятся зимою. За грибами вовсе не ходят; там их весьма мало. Годом, когда выходит ягодное лето, собирают морошку, которую продают по 1 р. с. за ведро и бруснику по 35 к. с. за ведро. Рыбы в Нижнеколымске, нечего сказать, очень много и притом хорошей. Сельдей промышляют миллионы; омулей, нельм, чиров, муксунов и проч. десятки тысяч; но и всего этого мало при собаках, так что редкая весна минует в полном довольстве. Иногда рыба слёживается; сберець её долго нельзя и она портится скоро.

⁷ Вадига почти тоже, что и плёсо. Но плёсо на реке выражает понятие о внешней стороне известного пространства воды, а вадига на речке и есть собственно глубокое пространство реки между шиверами. Шиверами (изнач. швырок) есть крутой скат реки с вадиги на вадигу.

⁸ Экрынгаули известны мне по сказаниям чукотских торговцев, которые к сим американцам ежегодно плавают для торговли на своих кожаных байдарах, отправляясь с мыса Пеек. Экрынгаули не признают

над собою ничьей власти, они не терпят и между собою никакой зависимости. Управление у них, по словам чукчей, точно также организовано, как и у оленных, коих общественная жизнь не подлежит сомнению. Экырнгаули имеют собственный язык, не похожий на язык чукотский. На носу и на губах у них проколоты дырочки, к которым привешены костяные вставки, выделяемые из моржовых клыков. Люди сии будто бы многочисленнее чукчей.

⁹ Эрэм то же по-чукотски, что по-якутски тоён, т.е. господин, начальник, чиновник.

¹⁰ Церковь сия, и вместе с часовнею, в 1850 г. приписана к Нижнеколымской церкви. Этим как бы прекращено и само существование Якутской Духовной Миссии, как достигшей своего назначения. А к чукчам послан в том году особый священник.

¹¹ Необщительность сия бросается в глаза. 200 лет колымчане и чукчи трутся, так сказать, рука об руку, живя бок о бок и не смеют друг к другу заглянуть. Это странно, а между тем это подлинно так; по крайней мере это существовало до 1844 года. За исключением старинных набегов, чукчи на Колыме погостили всего однажды: двое из них приезжали сюда по приглашению протоиерея Слепцова в 1812 году. И только. Из колымчан, после экспедиции барона Врангеля (в 1820-1823 годах) к чукчам, в их внутренние местожительства, вообще никто не ездил, кроме каких-нибудь двоих очукчелых юкагиров. Чуванцы составляли нечто среднее между чукчами и юкагирами; но и они осмеливались бывать временно лишь на Чаване, и то с боязнью, а далее Чавана не показывались. Не берусь изъяснить столь странного явления несообщительности. Я знаю только, что с 1844 года отношения между чукчами и колымчанами совершенно изменились: чукчи, числом до 40 юрт, подкочевали к самой Колыме и живут здесь с русскими по-братски. И русские с этого времени тоже стали гораздо посмелее, и на Чаван и на Эррень (Шалагский мыс) езда уже не редкость, хотя ещё и почитается как бы за подвиг. Полагают, что допущение с чукчами свободной торговли (т.е. без акта, не приносящего, впрочем, выгод казне), и разрешение беспрепятственного въезда в чукотские места всем колымским обывателям и во всякое время, повели бы к результатам более удовлетворительным, тогда и действия Духовной Миссии могут расширяться и принести свои плоды.

¹² Колымчане-русаки в описываемое время, за исключением 100-летнего сотника-переводчика А. Кобелева и ученика его 65-летнего П.К.,

— по-чукотски не разумели говорить. А чтобы не связывать себя каким-нибудь коряком, изъяснялись обыкновенно жестами, наскоро придуманными. Это тоже доказывает необщительность. В следующее десятилетие по сей части произошли перемены к лучшему.

¹³ Куря табак, чукчи затягиваются дымом и потом, с особенным наслаждением, мастерски выпускают из рта и носу кружки, пронизывая их затем струёю дыма; эти проделки они совершают иногда, напившись чаю. Курительный табак, из экономии и ради вкуса, мешают с древесными стружками. Лемешина тоже, что и жвачка; чукчи охотники класть табак за щёку.

¹⁴ Эпепель — поп. Апапель — тоже. Примечательно, что русское и чукотское слово это сходно по звукам.

¹⁵ В числе стряпни была одна — рилькаэль, а по-юкагирски маняло, замешенное на китовом жиру. Эта пища у чукчей почитается лакомою и в большой чести.

¹⁶ Ча́учу — олений чукча. Оленных ламутов, тунгусов и юкагиров чукчи называют каарамкель, кааремкит.

¹⁷ Эйчу́вульгин — лаханка чёрная.

¹⁸ Плеки — название чукотской обуви.

¹⁹ Благодарность за угощение чукчи иногда выражают словом «тпáяк», т.е. «я перестал есть».

²⁰ Чукчи едят также тальничный лист, заквашенный в нерпичьем жиру, и кору с тальничных корней, заедая оную кислым нерпичьим жиром. Морская капуста тоже идёт в пищу.

²¹ Сугошэ́ромь — значит по-колымски: на спине или на горбу и плечах.

²² Отпускная церемония у чукчей состоит в том, что умирающего, при последнем издыхании его, прикалывают, пронзая сердце сквозь рёбра левого бока.

²³ Йонля был острижен до года, а повыше ушей оставлен обручок и на макушке кружок. Кружок и обручок были украшены корольками. В ушах висело по две пряди бисера, цветом белого и чёрного. Это самая обыкновенная причёска молодых людей. Стриженого кружка иногда и не носят они, зато обручков бывает и по два. Женщины замужние, равно и девицы, носят косы по вискам, и подстриженную макушку. Главное украшение чукчанки состоит из наколов, называемых микелии. Лицо, руки, грудь, лопатки татуируют иглою, натирая язвинки порошком. Однажды наведённые микелии остаются навек, не стираясь и не смываясь. Операция наколов довольно мучительна, иногда произво-

дить воспаление и смерть. Историческое значение обычая чукчей безобразить себя наколами неизвестно. Нельзя ли предположить, что микелии свидетельствуют о каком-либо, теперь уже забытом, несчастье чукотских прародителей. Известно, что древние искажали лица свои в некоторых случаях, даже изрезывали их, выражая тем глубокую печаль.

²⁴ По толкованию юкагиrow, придерживающихся шаманства, шаман есть мудрец или волхв, которому природа открыла некоторые свои тайны на пользу людям. Шаман может делать и зло, как по испорченности собственного нрава, так и из снисхождения к доукам своих безотвязчивых чтителей. По толкованию чуванцев, шаман может поднять больного и во гроб уложить здорового с помощью своей чародейственной силы; в последнем случае называемой нечистою или вражьей. Чукчи своих шаманов титулуют высоко, чтя их могущество. Шаман по чукотски Энэнылян, Энгэнкляволь, что буквально значит: божественный. Энгэнкляволь повелевает бурями, управляет луною и рукою снимает с неба яркие звёзды, да за пазуху себе кладёт их, не обжигаясь огнём небесным. Когда однажды я доказывал противное, ко мне подошёл мутноглазый человек, плюнул себе на ладонь, потёр рука об руку и вышел светленький камушек, которым почтеннейшая чаванская публика угощала своё зрение, как чудом. Этого мало. Маг, желая продолжать опыты своего волшебного могущества, потребовал нож, в намерении проколоть себе грудь. Но я остановил его, сказав: — довольно!

Опубликовано в «Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества», Кн. VI, Иркутск.

OCR Андрей Дуглас